

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

К. Джунушев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КИРГИЗИИ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук

Руководитель — академик Академии
наук Киргизской ССР
Д. А. Алышбаев

Ташкент 1962

Диссертационная работа подготовлена в Институте экономики
АН Киргизской ССР

Защита диссертации состоится в сентябре 1962 г. в Институте экономики
АН Узбекской ССР

211213
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Диссертационная работа «Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии» состоит из введения, двух глав и заключения.

В введении указывается необходимость и цель исследования.

В силу ряда социально-экономических условий товарное производство в дореволюционном киргизском кочевом обществе не приняло всеобщего характера в экономической жизни народа, оно не имело такого значения, какое имело в жизни других, более развитых в социально-экономическом отношении народов. Тем не менее автор реферируемой работы избрал темой своей диссертационной работы «Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии», поскольку изучение генезиса и эволюции товарного производства имеет первостепенное значение для понимания процессов социально-экономического развития Киргизии. Более того, выяснение особенностей развития товарного производства в своеобразных условиях имеет немаловажное познавательное значение.

Ф. Энгельс указывал: «Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, изменяются от страны к стране, в свою очередь, от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох»¹. В работе главное внимание уделяется выяснению вопроса развития основных экономических предпосылок товарного хозяйства. Но автор не претендует на полное освещение этой сложной и многогранной проблемы.

В работе автор исходит из основных теоретических положений марксизма-ленинизма, опирается на материалы партийных съездов, пленумов ЦК и новой Программы КПСС.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1957, стр. 189.

Широко использованы доклады и выступления Н. С. Хрущёва, особенно его выступления, посвященные колониальным вопросам и национально-освободительным движениям народов.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XXII съезде нашей партии, с особой силой подчеркнута необходимость последовательно «проводить и впредь принципы интернационализма в области национальных отношений; укреплять дружбу народов, как одно из важных завоеваний социализма; вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству»¹.

В ряде опубликованных в нашей печати работ ошибочно утверждается, что будто в дореволюционной Киргизии имели место не общественное, а «общинное разделение труда», «родовой строй», господствовали «родовая» или «государственная» формы поземельной собственности, отсутствовала «классовая дифференциация». Отдельные авторы считали, что киргизы якобы были «полудикарями» и т. д. Следовательно, нередко допускалось затушевывание социально-экономических противоречий прошлого и извращение подлинной социально-экономической истории киргизского народа. Наряду с критикой подобных утверждений, автор пытается определить свое понимание этих важных теоретических социально-экономических вопросов.

Диссертационная работа выполнена на основе критического анализа и обобщения богатых архивных материалов ЦГИАЛ СССР, ЦГА Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР и литературных источников, статистических данных, разработанных как в дореволюционный, так и в советский периоды. В работе содержится 16 аналитических таблиц, составленных автором, характеризующих степень общественного разделения труда и развитие форм собственности на основные средства производства.

В первой главе — «Степени развития общественного разделения труда» — рассматривается возникновение и развитие различных форм разделения общественного труда в дореволюционной Киргизии, являющихся основой товарного хозяйства. «Чтобы объяснить обмен, — писал К. Маркс, — нужно разделение труда, нужно существование потребностей, ко-

торые вызывают необходимость разделения труда»¹. Не имея ясного представления о развитии общественного разделения труда, нельзя понять и развитие обмена, товарного производства и обращения.

Уровень развития производительных сил народов, наций, стран обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у них разделение труда. Разделение труда вместе с тем составляет существенный элемент производственных отношений.

Уровень общественного разделения труда определяется уровнем развития способа производства, прежде всего производительных сил и производства орудий и средств труда. На общественное разделение труда влияет и уровень развития культуры.

Кочевое скотоводство и возникновение оседлого земледелия являлись основными формами разделения общественного труда в дореволюционной Киргизии. Опираясь на фактические данные, изложенные в работах китайских, арабских, русских и других авторов, в реферируемой работе показано, что киргизский народ является одним из древних, который известен в истории с 201 года до н. э. Он обитал к северу от Саянских гор на Верхнем Енисее² и занимался кочевым скотоводческим хозяйством.

Кочевое скотоводство создавало реальную возможность для более быстрого развития поголовья скота и поэтому первое крупное общественное разделение труда — отделение пастушеских племен от общей массы первоначальных земледельцев соответствует периоду возникновения кочевого скотоводства. Киргизское кочевое скотоводство, как и у других ранних кочевых народов, является историческим следствием первого крупного общественного разделения труда.

Кочевое скотоводство отражало стихийное размещение производительных сил. Реализация скота и скотоводческих продуктов зависела в основном от внешнего рынка. Скотоводство у всех кочевников, в том числе и у киргизов, в своем последующем развитии превратилось из источника получения продуктов первой необходимости в товарное хозяйство. Кочевое скотоводство у киргизов, как основная форма разделения общественного труда выступало, в известной степени товарным хозяйством.

Киргизский народ, наряду с кочевым скотоводством, на-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1961, стр. 116.

¹ К. Маркс. Нищета философии, М., 1931, стр. 36.

² Худуд Ал алам, § 14, стр. 282. Фонды АН Кирг. ССР, инв. № 1707.

чина с древних времен. спорадически занимался земледелием.

У енисейских киргизов, занимающих господствующее положение в Центральной Азии в IX в. н. э., было развито плужное земледелие с искусственным орошением и различные ремесла¹. Начальник сибирской линии генерал-лейтенант Гланезап в 1813 г. сообщал, что киргизы «занимались хлебопашеством на своих обильных землях между Алатау и Зауки»². То же самое сообщал Ч. Валиханов, посетивший Киргизию еще в 1856 году. Согласно сообщениям Ф. Назарова бедные киргизы в окрестностях Сузака и в районе Каратоо еще в начале XIX в. занимались производством зерновых продуктов на обмен³.

Однако земледелие у киргизов вплоть до присоединения Киргизии к России (1855—1876 гг.) встречалось только спорадически и не составляло самостоятельную отрасль хозяйства, т. е. совмещалось с кочевым скотоводством. С присоединением Киргизии к России ускоряется процесс отделения оседлого земледелия от кочевого скотоводства.

Возникновение и развитие оседлоземледельческого хозяйства явились результатом развития производительных сил, появления более совершенных орудий труда, которые приобретались киргизскими хозяйствами от русских переселенцев-крестьян, кризиса кочевого скотоводства, исчерпавшего свои возможности в деле дальнейшего развития производительных сил.

За самовольный выход из кочевого общества и за оседание на земле бедняк-дехканин жестоко наказывался феодалами путем ложных обвинений и взиманием различных налогов, сборов и штрафов. В переходе киргизских кочевников к оседлому земледелию не было заинтересовано царское правительство, которое считало, что оседание приведет к расширению потребности в пахотных земельных площадях для киргизских хозяйств и будет препятствовать осуществлению переселенческой политики царизма, вызванной аграрным кризисом и ростом классовой борьбы в России, мешать изъятию киргизских земель в пользу Переселенческого управления.

В диссертации приводятся различные по характеру документы, отражающие действительность прямого ограничения фактического запрещения царскими властями оседания кир-

гизских хозяйств. Насильственное изъятие киргизских земель началось фактически с 70-х годов XIX в. Но особенно большой размах оно приняло с начала XX в. В 1904 г. из пользования киргизских и казахских хозяйств Семиреченской области было изъято несколько миллионов¹, а в 1915 г. — 4193520 дес. удобной земли. Аграрный кризис в России обострил земельный вопрос и в Киргизии. «Излишними» оказались и земли осевших киргизских хозяйств. В 1907 г. только по Семиреченской области было намечено разрушить свыше 5100 оседлых хозяйств с населением более 30000 человек. Многие из них в том же году были смещены².

Несмотря на различные препятствия, запреты царизма, насильственное отторжение киргизских земель, посевные площади в киргизских хозяйствах после присоединения к России начинают быстро расширяться. В 1914 г. посевы зерновых культур в киргизских хозяйствах по Пржевальскому уезду достигали 63143 дес., или на 30559 дес. больше, чем в русских и других хозяйствах, а по Пишпекскому уезду — 89438 десятин.³ Земледелие было более развито на юге Киргизии. В диссертации приводится динамика земледелия по Семиреченской области и по другим уездам Северной Киргизии. На основе фактических данных автор показывает, что земледелие в Киргизии становится на путь товарного производства, что не только продукты земледелия, но и сама земля становится товаром. Характеризуются основные причины, приведшие к устойчивости кочевого скотоводства и к медлительности возникновения оседлого земледелия.

Домашнее ремесло как форма общественного разделения труда оказывало существенное влияние на развитие производительных сил кочевников. Оно, особенно производство различных видов оружия, было развито еще в далекой древности; киргизы сравнительно рано обладали «технологией» и добычей обработки как черных, так и цветных металлов, что подтверждается историческими и археологическими данными. Согласно утверждениям С. В. Киселева, киргизское ремесло в известной степени ориентировалось на рынок и китайцы очень высоко ценили киргизское оружие, что «позволяет предполагать его проникновение и на международный рынок в армию китайских императоров»⁴.

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 568—572.

² К. Генкина. Документы рассказывают... «Советская Киргизия». 9 марта 1961 г.

³ Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии, СПб., 1821, стр. 31.

¹ Красный архив, т. III, Ташкент, 1929, стр. 65.

² К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане, СПб., 1910, стр. 52—54, 57, 62, 66, 67.

³ ЦГА Узб. ССР, ф. р.—1, оп. 12, д. 1747, л.—11.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 591.

Домашним ремеслом, особенно переработкой животноводческих продуктов, производством мыла, занималась каждая семья киргизских кочевников. Товарный характер носило производство юрт, седел и различных ювелирных украшений.

По данным подворного описания в 1912—1913 гг. в Пишпекском уезде насчитывалось 1798, в Пржевальском — 983¹, в Таласской долине — 81², во всех уездах Ферганской области — 1488 кустарей³. Было учтено всего 4855 человек киргизов-кустарей и ремесленников. Женщин-ремесленников насчитывалось примерно до 178 тыс. человек⁴.

«Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющего путем обмена товаров, — указывал К. Маркс, — является отделение города от деревни»⁵. В условиях дореволюционной Киргизии не произошло полного отделения ремесла от кочевого скотоводства. Домашнее ремесло не переросло в промышленность. Этот процесс произошел лишь после присоединения Киргизии к России. Рассмотрение этого вопроса является предметом второй главы.

Домашнее ремесло в киргизских хозяйствах, хотя оно не отделилось от кочевого хозяйства, было основой товарного обмена, товарного производства. Отдельные продукты производства ремесленников — кошма, ковры ориентировались даже на внешний рынок.

Зачатки развития купечества рассматриваются как начало третьего крупного общественного разделения труда — отделение купцов, которые занимались только обменом продуктов. В отличие от других земледельческих народов в дореволюционном киргизском кочевом обществе купцы почти не отделились как самостоятельная социальная прослойка, специально обслуживающая сферу обращения. Киргизские кочевники одновременно сочетали в своей деятельности производство с обменом животноводческих продуктов. Но кочевые скотоводческие хозяйства всегда привлекали иностранных купцов, которые путем разъездно-караванной торговли и неэквивалентного обмена получали большие торговые прибыли.

Купцы, специально занимающиеся торговлей, начинают выделяться из числа киргизов, только в конце XIX и начале

¹ Материалы по обследованию туземного и старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева Пг., т. VIII, 1916, стр. 442—455.

² Материалы по киргизскому землепользованию, Ташкент, 1911, стр. 78.

³ С. Ильясов. Кооперативно-колхозное строительство в Киргизии (1918—1929 гг.), Фрунзе, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1950, стр. 360.

XX в. Мелких торговцев из числа киргизов в Пишпекском уезде насчитывалось в 1902—1903 гг. 27 человек, в 1904—28, а в 1912—1913 гг. были учтены 1340 торговцев, из них 440 торговцев были киргизы. В Пржевальском уезде из 779 торговцев 335 были киргизы, в Ауле-Атинском уезде — 29, в Андижанском уезде — 385, в Наманганском — 160, в Ошском, Кокандском и Скобелевском уездах был учтен 101 торговец-киргиз¹.

Наиболее крупные купцы-киргизы одновременно выступали и как ростовщики, подчинив экономику уездов и волости путем раздачи денежных кредитов непосредственным скотоводам. Они ждали того момента, когда к ним придут люди, нуждающиеся в денежных кредитах для уплаты различных налогов. Купец II гильдии Нарынбай Капалбаев в 70-х годах XIX века обеспечивал кредитом поставщиков скота, раздавая в кредит по 20—25 тыс. рублей в год, из расчета по 1 руб. за барана². Купцы как местные, так и иностранные, были эксплуататорами непосредственных киргизских скотоводов.

«В непосредственной связи с разделением труда вообще стоит..., — указывал В. И. Ленин, — территориальное разделение труда, специализация отдельных районов на производстве одного продукта, иногда одного сорта продукта и даже известной части продукта»³.

На основе фактических данных в диссертации показано, что в Киргизии до присоединения ее к России, не было еще ярко выраженного территориального разделения труда. Киргизское население повсеместно занималось кочевым скотоводством, отчасти и возделыванием зерновых культур. Но уже в 80-х годах XIX века в долинных районах Южной Киргизии возникло хлопководство. Северные районы Киргизии стихийно специализируются по развитию скота и производству зерновых культур. Высокая товарность и прибыльность опийного мака привели к возделыванию этой культуры в Иссык-Кульской и Чуйской долинах, продукты которого реализовались в основном на внешнем рынке. Отдельные районы и поселки специализировались на производстве масличных, огородно-бахчевых культур и риса.

Наличие гор, межгорных плодородных долин и разнообразие почвенно-климатических условий давали возможность для создания различных по типу хозяйств, начиная от самых экстенсивных и кончая высшей формой интенсивного хозяйства с возделыванием технических культур. Территориальное разде-

¹ ЦГА Киргизской ССР, ф. 7, оп. 1, д. 20, лл. 11, 80.

² Туркестанская ведомость, 14 ноября 1872 года.

³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. М., 1947, стр. 371.

ление труда стихийно выражало связи определенных отраслей с теми или иными районами. В то же время оно явилось выражением стихийного географического размещения производительных сил в дореволюционной Киргизии. Территориальное разделение труда, хотя и находилось в начальной стадии развития, отражало основу общественного характера труда, т. е. производство сельскохозяйственных продуктов постепенно становилось на путь капиталистического товарного производства.

Возникновение капиталистических сельскохозяйственных и промышленных предприятий в дореволюционной Киргизии явилось новой ступенью развития общественного разделения труда. В дореволюционной Киргизии возникли не только отраслевые, но и внутриотраслевые (единичные) разделения общественного труда. При исследовании этих вопросов автор исходит из указаний В. И. Ленина о том, что «Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами»¹.

В работе приводятся конкретные данные, характеризующие отраслевые и внутриотраслевые подразделения общественного труда в дореволюционной Киргизии. Анализируются начальные процессы превращения хозяйства в особую отрасль производства «...не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта; и не только производство продуктов, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению»². Промышленность в дореволюционной Киргизии не успела полностью отделиться от сельскохозяйственного производства, поскольку производства были основаны на ручном труде и отсутствовала крупная машинная индустрия.

На примерах дореволюционной Киргизии доказывается развитие капитализма в России вширь. В диссертации подвергается критике утверждение отдельных товарищей о том, что в дореволюционной Киргизии было характерно якобы не общественное, а «общинное разделение труда»³.

Во второй главе — «Развитие форм собственности» — как одна из предпосылок товарного хозяйства рас-

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. М., 1947, стр. 11.

² Там же.

³ Б. Байбулатов. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1958, стр. 4.

считывается в тесной связи с общественным разделением труда. Различные ступени развития разделения труда являются и различными ступенями развития формы собственности на основные средства производства.

Без правильного разрешения вопроса о формах собственности на основные средства производства невозможно целостно представить себе развитие товарного хозяйства.

Исходя из основных положений марксизма-ленинизма и опираясь на конкретные факты, диссертант считает, что первым основным средством производства, вступившего в частную собственность, у всех кочевых народов был скот. Частная собственность у киргизского народа обнаруживается еще в VIII—IX вв. н. э.

На основе фактических материалов в диссертации показывается наличие в дореволюционной Киргизии крупных частных собственников и несобственников на скот. Приводятся материалы, характеризующие частные скотоводческие хозяйства, в которых насчитывалось по несколько даже десятков тысяч голов скота. Одним из крупных собственников скота был Узбеков, живший в Пишпекском уезде в конце XIX и начале XX вв., в его хозяйстве насчитывалось около 80 тыс. голов, в переводе всего скота на мелкий¹.

В дореволюционной Киргизии большинство хозяйств было бесскотным и малоскотным. Так, по Токмакскому уезду в 1869 г. 379 киргизских хозяйств совершенно не имело своего скота, на 4691 хозяйство в среднем приходилось лишь менее 10 голов овец, до 2 голов лошадей и 1 головы крупного рогатого скота, 5394 хозяйствах более 10 голов овец, до 2 голов лошадей и от 1 до 3 голов крупного рогатого скота, а в 3455 хозяйствах приходилось в среднем более 100 голов овец, 20 голов лошадей, 5 верблюдов и 5 голов крупного рогатого скота². По данным статистического обследования 1912 г. в Пишпекском уезде группа эксплуататоров, составившая 5,5 процента населения, сосредотачивала в своих руках 33,5 проц. всего поголовья скота³. В районах Южной Киргизии не имели никакого скота 1054 киргизских хозяйств, лошадей — 3809, крупного рогатого скота — 3883, овец — 21 378 и коз — 16728 хозяйств⁴.

¹ С. Абрамзон. Современное манапство в Киргизии. Советская этнография. № 3—4, М., 1931, стр. 45.

² Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. Туркестанская ведомость № 10, 1873 года.

³ П. Погорельский. Социалистическая реконструкция животноводческого хозяйства и ее особенности. Ж. «Революционный Восток», 1935, № 6, стр. 40.

⁴ Материалы к очерку истории развития народного хозяйства Киргизии за период 1911—1912 гг. Фонды АН Кирг. ССР, инв. № 21.

В киргизском кочевом обществе, еще задолго до присоединения его к России, имели место зародыши капиталистических производственных отношений. Поскольку отсутствовало как юридическое, так и фактическое закрепощение кочевников, эти отношения первоначально приняли форму пастушеского найма (малай, койчу, жылкычы), применяемые в хозяйствах крупных скотовладельцев. Но наемный труд получил развитие лишь после присоединения Киргизии к России.

В конце XIX в. наиболее типичный для капиталистического способа производства процесс имущественной и классовой дифференциации происходил в киргизских хозяйствах Пржевальского уезда, где в 1913 г. из 28034 хозяйств в 541 хозяйстве совершенно не имелось скота, на 5408 хозяйств в среднем приходилось лишь от 1 до 3 голов, на 13641 хозяйств от 13 до 31 головы, на 6958 хозяйств от 63 до 119 голов, на 1080 хозяйств по 250 голов, на 309 хозяйств по 500, а в 97 хозяйствах приходилось в среднем по 1070 голов скота¹ и т. д.

Скот у киргизских кочевников выступал основным богатством. Частная собственность на скот явилась основной предпосылкой товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии.

Большое место в диссертации уделяется эволюции поземельной собственности. Поземельная собственность в дореволюционной Киргизии рассматривается не в отрыве, а в тесной связи с частной собственностью на скот. При этом автор исходит из положения К. Маркса о том, что «первоначально в собственности превращается движимость — продукты земли, в том числе и прирученные животные, но это предполагает и собственность на землю либо для постоянного местожительства, либо для переселения с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.»²

Вместе с ростом производительных сил киргизского кочевго общества развивались и формы собственности на землю — от первоначальной общей (общинной) формы, через частную собственность, основанной на личном и частично принудительном труде, к капиталистической частной собственности. Своеобразие здесь состояло в том, что по времени и пространству все эти формы переплелись и уживались рядом друг с другом.

Вопрос о формах поземельной собственности в дореволю-

¹ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собр. и разраб. под руководством П. П. Румянцева, т. VIII, Пг., 1916, стр. 580.

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 25.

ционной Киргизии все еще остается спорным. Нашими историками и экономистами выдвинуты различные концепции, которые нельзя признать правильными.

Нельзя согласиться с субъективистическим приписыванием киргизскому народу «родового строя» и «родовой собственности» на землю, отождествлением кровнородственных связей киргизского народа с родовым строем, возникшем еще на заре человеческого общества и разложившегося в период возникновения семьи, частной собственности и государства. П. К. Алпацкий считает, что «родовая собственность на землю, прикрывала захват земли манапами...»¹, а кандидат исторических наук Б. Байбулатов «появление частной собственности» связывает с «общинным разделением труда»² и т. д. В работе дана критика по данному вопросу.

Ф. Энгельс в примечании к I тому «Капитала» указывал: «Позднейшие основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора (К. Маркса — К. Д.) к выводу, что первоначально не семья развивалась в род, а наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоившегося на кровном родстве, так как различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»³. Утверждение о наличии «родовой собственности» на землю в дореволюционной Киргизии не исторично, так как родовая собственность предшествовала возникновению семьи, частной собственности и государства.

В Киргизии земля находилась в руках тех, которые сосредотачивали у себя основную часть поголовья скота. Крупные собственники скота одновременно и являлись крупными нефиксированными частными собственниками и на землю. Так, например, в Пржевальском уезде Чекир Кулов, в начале XX в. имевший 8000 голов овец и более 1000 голов лошадей⁴, и наиболее крупный скотовладелец Узбеков из Пишпекского уезда и многие другие одновременно были и крупными земельными собственниками.

Пастушеские народы «...относятся к земле, — указывал К. Маркс, — как к своей собственности, хотя они никогда не

¹ П. К. Алпацкий. К истории оседания кочевых и полукочевых хозяйств в Киргизии. Фрунзе, 1959, стр. 9.

² Б. Байбулатов. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции, Фрунзе, 1950, стр. 4.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1950, стр. 359.

⁴ Б. Байбулатов. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1958, стр. 8—10.

фиксируют этой собственности», у «пастушеских народов собственность на естественные продукты земли, — на овец, например, это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются. Вообще собственность на ее органические продукты»¹.

В феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была также атрибутом земельной собственности. Она имела неограниченные права для насильственного приобретения собственности и на землю.

После присоединения Киргизии к России (1855—1876 гг.) здесь возникла и капиталистическая частная собственность на землю. Такое утверждение встречает возражения со стороны отдельных ученых Киргизии, которые считают, что частная собственность на землю в Киргизии не существовала вообще, а после присоединения Киргизии к России вся земля была объявлена государственной собственностью. На наш взгляд, это является результатом недопустимого смешения юридической формальности с действительной реальностью. Согласно этому положению выходит, что местные феодалы и часть зарождающихся капиталистов (капиталисты-переселенцы) в Киргизии якобы были лишены главного средства эксплуатации — частной собственности на землю. Это явно противоречит историческим фактам.

Царское правительство, не считаясь ни с чем, проводило политику массового изъятия киргизских земель, объявив все земли кочевников «государственной собственностью». Земли, изъятые Переселенческим управлением, подушно наделялись переселенцам, часть оставалась по казенно-оброчной статье, затем продавались или сдавались в аренду. Возникновение капиталистической частной собственности на землю и рост ее концентрации в частных руках более наглядно отражались и в земельных сделках. До присоединения Киргизии к России в ее северных районах не наблюдались продажа и покупка земель, как товар, а в южных районах они выступали как таковые. Но это еще носило единичный и случайный характер. Условия для того, чтобы земля выступала как товар, возникли в основном лишь после присоединения Киргизии к России.

Военный губернатор Ферганской области в отчете за 1912 год указывал: «Продажа земли с публичного торга растет скачками... через 10 лет вся земля может оказаться в руках ростовщиков. Можно опасаться наступления аграрного кризиса»² в Средней Азии. Земельные сделки были более развиты в

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 24.

² ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 1, 1910, лл. 5—11.

южных районах Киргизии, где возделывался хлопок и население пользовалось кредитом частных лиц с оплатой по 48—100% годовых. Они получали кредиты под залог своих земель и, не имея возможности своевременно возвратить полученные ими кредиты, часто оставались без земель. И таким путем земля переходила в собственность других, что привело к возникновению крупных земельных собственников в Киргизии, с одной стороны, и их наемных работников — с другой.

Земельные вопросы наиболее полно были разработаны в «Положении об управлении Туркестанским краем». Сущность этих законоположений заключалась в том, что оседлому населению на всей территории Туркестанского края было предоставлено право утверждать за собой все земли, состоящие в силу местных обычаев в постоянном потомственном его владении, пользовании и распоряжении (ст. 255 Туркестанского положения), а все свободные земли, леса признаны были государственной собственностью¹.

В отношении же кочевого населения согласно обычаям было определено сохранить за ними бессрочное пользование всеми землями, на которых они кочевали, с предоставлением каждому кочевнику права на получение от своих обществ (точнее феодалов) участка земли для сооружения на нем построек и вообще для ведения оседлого хозяйства (ст. 270 и 275 Туркестанского положения). Пользование этими землями было признано наследственным². Этим не отрицается, а наоборот, доказывается, что царским правительством по-существу была признана нефиксированная частная собственность на землю в дореволюционной Киргизии.

После длительных и острых споров в Государственной думе, в советах, 29 мая 1910 г. был принят другой земельный закон. Этим было утверждено за оседлым населением право на частную собственность на все земли, находящиеся в его пользовании, а за кочевым населением, при переходе его к оседлому быту, утверждались только на те земли, которые обрабатывались кочевниками.³ С утверждением этого закона частная собственность у киргизов на пахотную землю выступает как фиксированная.

Собственность — категория экономическая и при переходе к определению формы поземельной собственности следует исходить прежде всего из их реального содержания из того, что

¹ К. К. Пален. *Переселенческое дело в Туркестане*. Пг., 1910, стр. 3.

² К. К. Пален. *Переселенческое дело в Туркестане*. Пг., 1910, стр. 3.

³ Вопросы колонизации, под редакцией И. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова, 1910, № 9, стр. 301—306.

в чьих руках она фактически находится, а не из их юридического выражения как волевых отношений.

В байско-манапских хозяйствах происходил процесс приобщения их в круговорот капиталистического развития. Так, старший сын Шабдана — Хисамутдин организует крупное земледельческое хозяйство на площади около 100 гектаров, в том числе 18 гектаров фруктового сада, с большим посевом люцерны, зерновых культур, имеющих большой спрос на местном рынке, с применением наемной рабочей силы¹. Правитель Кугартской волости Сарыболуш имел в своей частной собственности свыше 500 десятин пахотной земли² и т. д.

В Киргизии уже к 1918 г. пахотные земли почти полностью перешли в частную собственность. К этому времени по Туркестану около 90 процентов орошаемой земли находилось в руках частных собственников. Байско-манапская же верхушка, составлявшая не более 4% киргизского населения, являлась собственником более 50%¹ всех земельных угодий. На территории современной Ошской области, по данным переписи 1917 г., в руках 2,4%¹ хозяйств было сосредоточено 41,9% всей поливной земли³. В Пржевальском уезде в 1913 г. 137 киргизских хозяйств имели в среднем от 11,8 до 35,8 десятин⁴, а в Пишпекском уезде 1140 киргизских хозяйств имели в среднем от 11,7 до 47,3 десятин пахотной земли⁵.

В дореволюционной Киргизии пахотные земли в основном были сосредоточены в руках русских капиталистов, переселившихся из России. Так, например, в частной собственности начальника Переселенческого управления Пишпекского уезда Архангельского находилось 500 дес., уездного полицейского начальника Рымшеевича — 180 десятин, уездного пристава Грибановского — 100 дес., у крупных капиталистов-промышленников Иванова — 800 дес., Фетисова — 300 дес., Паненкова — 800 дес., братьев Лопатиных — 600 дес. пахотных земель⁶. Крупными земельными собственниками в Киргизии были русские старожильские хозяйства. Согласно статистическим данным, в 1913 г. по Пржевальскому уезду насчитывалось

¹ С. Абрамзон. Современное манапство в Киргизии. Советская этнография, № 3—4, стр. 45.

² Материалы центральной Комиссии при Упр. ЦИКа. Фрунзе, 1917, стр. 10.

³ Алма-Атинский облархив, ф. 136, оп. 1, д. 1, л. 22.

⁴ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. VIII, ч. II, Пг., 1916, стр. 592—600—601.

⁵ Там же, т. VII, Пг., 1916, стр. 354, 361.

⁶ Алма-Атинский облархив, ф. 136, оп. 1, д. 1, л. 23.

2185 старожильских хозяйств, из них 1866 хозяйств имели в среднем от 2,18 до 80,9 десятин, а 319 хозяйств — от 155,3 до 917,9 десятин пахотной земли¹.

В Пишпекском уезде насчитывалось 4337 русских старожильских хозяйств, из них 1845 хозяйств имели лишь от 0,14 до 0,22 десятины, а остальные хозяйства имели в частной собственности от 5,12 до 150 десятин пахотной земли². Таким образом, в дореволюционной Киргизии возникла и развивалась капиталистическая форма частной собственности, хотя она здесь не превратилась в господствующую форму собственности на землю.

В дореволюционной Киргизии частично сохранилась также общинная форма собственности на землю как среди киргизского, так и среди русско-переселенческого населения. Эта форма поземельной собственности с развитием земледелия и возникновением буржуазных производственных отношений постепенно суживалась. Так, например, по статистическим данным, в 1913 г. в Пишпекском уезде в общинной собственности находилось всего лишь 4379,02 десятины пахотной и 970,43 десятины сенокосной земли³, а в Пржевальском уезде — 4348,97 десятин пахотной и 4451,50 десятин сенокосной земли⁴.

В предреволюционной Киргизии имели место коллективные землевладения, существовали различные формы землепользования, церковные и вакуфные (собственности мусульманских духовных учреждений — мечетей) земли. Каждая церковь по закону наделялась до 300 дес. пахотной земли. Вакуфных земель в 1887 г. в Андижанском уезде насчитывалось — 25520 десятин, в Наманганском — 12568 десятин, в Кокандском — 26561 десятина⁵ (южные киргизские районы входили в состав этих уездов). Таких земель по 8 волостям Ошского уезда в 1905 г. насчитывалось 3390 десятин. Мусульманские богослужители имели даже по 300—400 десятин пахотной земли⁶. Эти земли относились к типу феодальной поземельной собственности.

Дореволюционное социально-экономическое отношение Киргизии характеризуется прежде всего наличием различных форм собственности на основные средства производства.

¹ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руковод. П. П. Румянцева, т. VI, Пг., 1915, стр. 722.

² Там же, стр. 550—572.

³ Там же, стр. 370, т. VII, Пг., 1916.

⁴ Там же, часть II, Пг., 1916, стр. 442.

⁵ А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959, стр. 33.

⁶ Материалы для статистического описания Ферганской области за 1910 г., Скобелев, 1912, стр. 86—92.

211213

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА

вообще и на землю, в частности, в которой возникшая капиталистическая форма собственности не успела стать еще господствующей.

В диссертации приводится 6 таблиц, характеризующих частную собственность на землю в дореволюционной Киргизии.

Производство средств производства подчинено прежде всего потребностям данной страны, данного уровня развития человеческого общества. Эти потребности в каждой стране складывались в зависимости от местных условий, не одновременно, а разновременно.

В дореволюционной Киргизии было характерным в основном примитивное орудие и средства труда, которые находились в руках частных собственников. Более или менее крупные промышленные (добывающие) и торговые предприятия находились в собственности капиталистов стран Западной Европы и Америки.

Капиталистическая частная собственность на промышленные средства производства в Киргизии, как и в целом в Туркестане, возникла позже, чем в других районах страны, главным образом, после присоединения к России.

Во-первых, часть переселенцев из центральных губерний России имела некоторое количество капитала, который вначале размещали в легкую и пищевую промышленность, связанные с переработкой сельскохозяйственных продуктов. В эти отрасли стремился и местный капитал, так как в них скорость оборота и прибыльность капитала выше, чем в тяжелой промышленности.

Во-вторых, царская военная и гражданская администрация, полицейские и переселенческие чиновники, торговые предприниматели, обогатившиеся исключительно за счет ограбления трудящихся масс, местного населения, также создавали новые предприятия, открывали рудники, шахты или просто покупали их. Превращая денежный капитал в производственно-промышленный, они становились крупными собственниками на средства производства. Так, полковник Д. В. Иванов стал одним из крупных капиталистов-промышленников Средней Азии. В 1900 году его порвоначальный основной капитал составлял 1,5 млн рублей, а в 1909 году он был доведен до 10 млн рублей¹.

В-третьих, местное население Киргизии (киргизы и узбеки) и пришлое нерусское население — дунгане, татары, уйгуры и

¹ ЦГИАЛ СССР, ф. 32, оп. 1, д. 1465, л. 41.

др. открывали мелкие промышленные предприятия и расширяли существующие ранее промыслы. Применяя наемный труд, они создавали промышленные предприятия капиталистического типа, главным образом, по переработке первичного сельскохозяйственного сырья. Так, например, один из сыновей Шабдана Джантаева — Аман открыл предприятие, на котором за сезон перерабатывали до 300 кож¹. Кожзавод Т. Бикеева и Д. Ташмухамедова был создан в 1887 году и действовал до 1917 года. В Пишпекском уезде таких заводов было 7 (с производительностью от 800 до 2500 кож за сезон), в Пржевальском уезде — 12 (с производительностью от 500 до 700 кож за сезон). Собственниками этих предприятий были в основном узбеки и киргизы. Дунганское население содержало главным образом предприятия по переработке масличных культур на пищевые и технические масла.

В-четвертых, в Киргизию с конца XIX в. начинает проникать промышленно-производственный капитал крупных капиталистов России и наиболее развитых капиталистических стран Западной Европы (Англии, Германии, Франции, Бельгии и Америки). Возник ряд акционерных обществ и товариществ, созданных в Киргизии иностранными капиталистами.

Общей чертой обеих указанных групп частных собственников (местных и иностранных) на средства производства является то, что их капитал, средства производства, в основном, орудия труда являлись результатом ранее присвоенного неоплаченного труда рабочих капиталистических стран, с одной стороны, и результатом неоплаченного труда местных сельскохозяйственных и промышленных рабочих и непосредственных скотоводов — с другой. — Именно эта тенденция явилась одной из экономических предпосылок пролетарской солидарности передового в мире русского рабочего класса с формирующимся рабочим классом Киргизии, единства интересов русского и киргизского пролетариата в достижении конечной цели — свержения капиталистов в России.

«В Азии, указывал К. Маркс, — с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов и, наконец, ведомство публичных работ»².

В дореволюционной Киргизии имели место отчуждения движимой собственности — скота, путем военных набегов и угона. Этим занимались киргизские феодалы. Они организо-

¹ С. Абрамзон. Современное манапство в Киргизии. Советская этнография, № 3—4, М., 1931, стр. 45.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том IX, стр. 347.

вывали и нередко сами возглавляли военные набеги против сопредельных кочевых народов и других киргизских народов с целью угона скота. Этим наиболее активно занимались Шабдан Джантаев, Ормон и его сын Уметалы, Байтик Канаев и многие другие. Они путем угона скота, нередко отчуждали за один набег по 40 тыс. и больше голов скота. Это поголовье в основном вступало в частную собственность киргизских феодалов, которое частично или полностью выступало как товар.

Киргизские феодалы организовывали грабежи караванов купцов из различных стран, приезжавших в Киргизию, или проезжающих через территорию Киргизии в Китай и обратно. Они при этом умело маскировались обычаем «Хан-талоо» (ханский грабёж).

Многие киргизские феодалы возглавляли военные службы своих подчиненных в других государствах, за что получали большие вознаграждения. В работе приводятся данные о военной службе киргизских феодалов в войсках Китайской империи, которые одновременно занимались скотоводством. Такие же услуги оказывались ими кокандскому ханству и царской России.

В конце второй главы показывается несостоятельность утверждений относительно «родового строя», «родовой», «государственной» формы собственности на землю в дореволюционной Киргизии; определяются различные формы собственности на землю в дореволюционной Киргизии: сельскообщинной, государственной, феодальной (вакуфных и церковных), капиталистической частной. Дается критика против буржуазной теории «врастания рода в социализм» и «вечного универсального феодализма» у кочевых народов.

В диссертации показано, что социально-экономический строй Киргизии никогда не стоял на одном месте, а двигался и развивался. В то же время Киргизия была отсталой, находилась в основном в докапиталистической стадии развития, где был характерен патриархально-феодальный строй.

Пример Киргизии показывает, что сейчас, когда социализм стал мировой системой, даже самые отсталые народы слабо развитых в социально-экономическом отношении стран (Азии, Африки, Латинской Америки), если политическая власть будет завоевана трудящимися, с успехом перейдут, минуя капитализм, прямо к социализму. Н. С. Хрущев в своем выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН указал: «Мы гордимся тем, что на опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых

стран»¹. Это в полной мере относится и к киргизскому народу.

В заключении автор кратко резюмирует основное содержание и итоги работы. Характеризует добровольное присоединение Киргизии к России, как исторический социально-экономический прогресс в жизни киргизского народа.

В классовом обществе, где имеются общественное разделение труда и обособленные друг от друга собственники на средства производства и продукты труда, товарное обращение и товарное производство становятся экономической необходимостью. И только там, где имеются такие условия, действительно возникают товарные производства и товарные хозяйства. В Киргизии уже вскоре после присоединения ее к России усилился процесс превращения натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное, возникли начальные процессы превращения товарного хозяйства в капиталистическое. Эти процессы товарного хозяйства в Киргизии должны стать темой дополнительного исследования.

По диссертационной работе опубликована монография «Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии», Фрунзе, Изд-во АН Киргизской ССР, 1962 г., 8 печатных листов.

Готовится к изданию монография «Товарное производство и действия закона стоимости в дореволюционной Киргизии», 8 печатных листов.

¹ Н. С. Хрущев. Свободу и независимость всем колониальным народам. Решить проблему всеобщего разоружения, М., 1960, стр. 29.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY